

Грибоѣдовъ и Пушкинъ.

Среди крупныхъ русскихъ поэтовъ конца XVIII-го и первыхъ десятилѣтій XIX-го вѣка Пушкинъ и Грибоѣдовъ отличаются прежде всего наиболѣе реальнымъ, непосредственнымъ отношеніемъ къ жизни. Припомнимъ, напримѣръ, Державина съ его разсужденіями о Божьемъ величїи и о таинствѣ смерти, Жуковскаго и его мечтанія объ идеальномъ мірѣ, гдѣ «погибшее намъ возвратится»; изъ младшихъ современниковъ Пушкина укажемъ на Лермонтова съ его постояннымъ противоположеніемъ земли небу и страстнымъ исканіемъ Бога; наконецъ, на Баратынскаго и Тютчева, которые могутъ быть названы по преимуществу «поэтами-мыслителями» — несомнѣнно, что среди нихъ Пушкинъ и Грибоѣдовъ по своему міросозерцанію занимаютъ довольно своеобразное положеніе. Ихъ жалобы, чаянія и надежды сравнительно рѣдко выходили за предѣлы земного существованія, и тѣ тайны и загадки, которыми отовсюду окружена человѣческая жизнь, не возбуждали въ нихъ особеннаго интереса. У нихъ менѣе, чѣмъ у кого либо изъ вышеуказанныхъ поэтовъ, было охоты къ метафизическимъ умозрѣніямъ или задатковъ для развитія мистицизма. Пушкинъ, напр., думая о смерти, находилъ утѣшеніе не въ мечтаніяхъ о сверхчувственномъ мірѣ, но въ сознаніи, что и послѣ него на землѣ «младая будетъ жизнь играть». Грибоѣдовъ также преимущественно интересовался такими вопросами, которые могли найти свое разрѣшеніе, не выходя за предѣлы земной жизни ¹⁾).

¹⁾ Несмотря на близкія товаришескія отношенія Грибоѣдова къ швейцарцамъ кн. В. Ѳ. Одоевскому и Кюхельбекеру, только въ одномъ небольшомъ его стихотвореніи („Душа“) замѣтно вліяніе философіи.

Можно, пожалуй, упрекать обоих наших поэтов за то, что мысль их мало работала в философском и религиозном направлении, но не слѣдуетъ забывать, что недостатки у каждаго человѣка часто бываютъ только обратною стороною его же достоинствъ, и что особенности замѣчательныхъ людей, которыя намъ кажутся недостатками, бываютъ порою прямо необходимы для совершенія той роли, которую такимъ людямъ приходится играть въ исторіи. Благодаря своимъ особенностямъ, Пушкинъ съ Грибоѣдовымъ и явились наиболѣе яркими представителями того литературнаго переворота, какъ по отношенію къ содержанію, такъ и къ формѣ, который, вдохнувъ жизнь въ литературу, тѣмъ самымъ ввелъ литературу въ жизнь, причемъ русскій стихъ, принаравливаясь къ болѣе конкретному содержанію, приобрѣлъ невиданную дотолѣ простоту и выразительность.

Общественныя настроенія, при которыхъ Пушкинъ и Грибоѣдовъ выросли и воспитались, какъ нельзя болѣе благопріятствовали развитію въ нихъ задатковъ реальнаго отношенія къ жизни. «Дней Александровыхъ прекрасное начало»; далѣе, «Отечественная война», пробудившая національное самосознаніе; наконецъ, походы 1813—14 годовъ, занесшіе къ намъ отголоски западныхъ идей—все это создало надежную почву для возбужденія въ обществѣ интереса къ русской дѣйствительности и вѣру въ возможность самобытнаго развитія родной литературы.

Пушкина и Грибоѣдова не слѣдуетъ называть реалистами въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова: они принадлежали къ эпохѣ романтизма, который лишь по сравненію съ предшествовавшимъ ему ложно-классицизмомъ можетъ считаться близкимъ къ жизни. Но если послѣдующіе писатели пошли гораздо дальше въ дѣлѣ сближенія литературы съ русскою дѣйствительностью, чѣмъ Пушкинъ и Грибоѣдовъ, то путь имъ былъ указанъ этими двумя писателями. Впрочемъ, у Грибоѣдова гораздо меньше заслугъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ у Пушкина. Дѣятельность Пушкина была неизмѣримо богаче, разнообразнѣе и плодотворнѣе. Онъ, по выраженію Гончарова, «занялъ собою всю свою эпоху, самъ создалъ другую, породилъ школы художниковъ,—взялъ себѣ въ эпохѣ все, кромѣ того, что успѣлъ взять Грибоѣдовъ и до чего не договорился Пушкинъ».

До сихъ поръ этимъ писателемъ, который взялъ себѣ то, «до чего не договорился Пушкинъ», интересовались почти исключительно какъ авторомъ «Горя отъ ума», а на другія его произведенія смотрѣли только съ точки зрѣнія знаменитой комедіи, а между тѣмъ интересно было бы освѣтить ту сторону въ творествѣ Грибоѣдова, остававшуюся до сихъ поръ въ тѣни, которую можно, пожалуй, назвать «героической». Во многихъ отношеніяхъ Грибоѣдова удобно сблизить съ Пушкинымъ: у обоихъ были богатые природные задатки реальнаго направленія, но, живя въ эпоху романтизма, они въ значительной мѣрѣ явились романтиками. Впрочемъ, у Грибоѣдова нерѣдко, во всякомъ случаѣ чаще, чѣмъ у Пушкина, еще звучатъ отдаленные отголоски ложноклассицизма. Области творчества у нихъ также совершенно различны. Пушкинъ старательно отыскивалъ и отмѣчалъ все, что можетъ придать цѣнность земной мимолетной жизни, нашелъ цѣлый міръ поэзіи въ русской природѣ и людяхъ.—Грибоѣдовъ занялся темными сторонами русскаго быта, неурядицей общественныхъ отношеній и оцѣнкой людей своего времени съ точки зрѣнія тѣхъ требованій, которыя онъ къ нимъ предъявлялъ. Въ эпоху расцвѣта своего таланта тотъ и другой горячо отстаивали полную свободу творчества, и подчиненіе литературнымъ теоріямъ было для нихъ такъ же стѣснительно, какъ подчиненіе своей личной жизни ходячимъ догматамъ общественной морали. Здѣсь мы встрѣчаемся съ влияніемъ романтизма. Принципъ полной свободы творчества былъ ранѣе обоснованъ теоретикомъ романтизма Шлегелемъ.

Въ самихъ натурахъ обоихъ поэтовъ уже были задатки и для развитія реальнаго отношенія къ дѣйствительности, и для сочувствія романтическимъ порывамъ. Страстный, нервный темпераментъ, требовавшій постоянно новыхъ впечатлѣній и возбужденія, и въ то же время удивительная ясность, трезвость разума—вотъ ихъ основныя свойства. Темпераментъ побуждалъ ихъ отдаваться безъ удержу жизненнымъ впечатлѣніямъ,—разумъ ограждалъ ихъ отъ излишней субъективности при оцѣнкѣ этихъ впечатлѣній; но благодаря различіямъ въ условіяхъ воспитанія, влияніямъ окружающей жизни и перечитанныхъ книгъ, личность и міросозерцаніе того и другого поэта, складывались совершенно своеобразно.

Оба они происходили изъ старинныхъ дворянскихъ родовъ, нѣсколько уже обѣднѣвшихъ и захудалыхъ. Мать Грибоѣдова была

женщина неглупая, энергичная, но очень честолюбивая. Завѣтною цѣлью ея стремленій было возвысить значеніе своего древняго рода, и всѣ свои надежды въ этомъ отношеніи она возложила на единственнаго сына, рано угадавъ въ немъ большія способности. Имѣя въ виду для него блестящую карьеру, она позаботилась дать ему тщательное воспитаніе. Первымъ его воспитателемъ былъ ученый нѣмецъ-Петрозиліусъ, который своимъ педантизмомъ оттолкнулъ отъ себя живого мальчика. Послѣдующими руководителями его умственнаго развитія были также ученые нѣмцы, вводившіе въ свои занятія строгую разбѣренность и порядокъ. А между тѣмъ у мальчика была способность въ каждое дѣло, которымъ онъ почему либо заинтересовывался, уходить цѣликомъ, безъ остатка. Уже будучи взрослымъ, вздумалъ однажды Грибоѣдовъ учиться по-гречески и въ теченіе нѣкотораго времени «отъ этого языка съ ума сходилъ». Легко можно себѣ представить, въ какомъ положеніи долженъ былъ находиться мальчикъ съ такою склонностью, когда ему приходилось согласовать свою живую любознательность съ сухимъ методическимъ преподаваніемъ его менторовъ. Изъ своихъ ученическихъ годовъ Грибоѣдовъ вынесъ громадный запасъ свѣдѣній по всевозможнымъ отраслямъ знанія, привычку и охоту къ умственному труду, но вмѣстѣ съ тѣмъ на всю жизнь у Грибоѣдова осталось отвращеніе ко всякаго рода «умѣренности и аккуратности» и убѣжденіе, что «быть нѣмцемъ на этомъ свѣтѣ очень глупая роль». Еще тяжелѣе приходилось Грибоѣдову отъ попеченій матери о его благовоспитанности. Мальчику хотѣлось бѣгать и рѣзвиться, а его наряжали по праздничному, читали длинныя наставленія о томъ, какъ чинно и благо нравно долженъ онъ себя держать, а потомъ везли по скучнымъ родственнымъ визитамъ. Впослѣдствіи Грибоѣдовъ сказывался даже больнымъ, когда родные собирались «везти его на поклонъ» сильнымъ міра. Вполнѣ естественно, что излишнія старанія матери, раболѣпно преданной свѣтскимъ предразсудкамъ, сдѣлать изъ своего горячаго и впечатлительнаго сына человѣка «образцоваго» въ томъ смыслѣ, въ какомъ она это понимала, не пришлось по душѣ молодому Грибоѣдову. Онъ скоро почувствовалъ гнетъ родственной опеки и возненавидѣлъ требованія свѣта, въ угоду которымъ мать и дядя стѣсняли его самостоятельность. Лекціи, слышанныя имъ въ Университетѣ, куда онъ ѣздилъ въ сопровожденіи гувернера, невольнымъ

встрѣчи съ товарищами, принадлежавшими къ различнымъ слоямъ общества, наконецъ, основательное знакомство съ литературой—все это должно было способствовать критическому отношенію къ окружающей средѣ. Сравненія, напрашивались сами собой. Началась усиленная работа мысли. Юноша понялъ свое противорѣчіе съ окружающимъ обществомъ и почувствовалъ страшное одиночество. У него не было друга; ни въ комъ не встрѣчалъ онъ поддержки своимъ стремленіямъ или простого желанія понять его внутреннюю жизнь. Самолюбіе его обостралось. Ему хотѣлось вырваться изъ угнетающей его обстановки, хотѣлось чего-нибудь чрезвычайнаго, незауряднаго. Обстоятельства, повидимому, приходили на помощь его стремленіямъ: началась отечественная война, и Грибоѣдовъ поступилъ въ ряды ополченцевъ. Но ему не пришлось участвовать ни въ одномъ сраженіи. Зато явилась независимость, и Грибоѣдовъ... отдался разгульной кавалерійской жизни. Здѣсь онъ нашелъ себѣ и вѣрнаго друга въ лицѣ Бѣгичева, который былъ лѣтъ на десять старше его. Драгоценно указаніе, сохранившееся у насъ о причинахъ этой дружбы. Когда Грибоѣдова впоследствии спрашивали, почему онъ такъ сблизился съ Бѣгичевымъ, который ни по лѣтамъ, ни по характеру, повидимому, не подходилъ къ нему, Грибоѣдовъ отвѣчалъ: «потому, что онъ первый сталъ меня уважать».

Первое время по своемъ вступленіи въ полкъ Грибоѣдовъ какъ-бы празднуетъ свое освобожденіе не только отъ родственнаго гнета и свѣтскихъ церемоній, но и отъ всякаго рода обязательныхъ и принудительныхъ научныхъ занятій. Торжествуя возможность пользоваться мгновеніемъ, онъ обращается со слѣдующими стихами къ покинутымъ имъ людямъ науки, сравнивая ихъ со своими новыми товарищами:

У васъ какъ-будто чародѣйство:
Отъ книгъ нейдете вы да чась,
Минута дорога для васъ.
А мы на дней не роцнемъ скоротечность;
Они не истекутъ, доколѣ мы живемъ.

Послѣ серьезныхъ умственныхъ занятій Грибоѣдовъ очутился среди людей, которые не придавали никакаго значенія тѣмъ научнымъ познаніямъ, въ которыхъ онъ могъ превзойти всѣхъ, но требовали отъ человѣка физической ловкости и смѣлости, въ чемъ

Грибоѣдовъ значительно уступалъ своимъ товарищамъ, (онъ, напр. хуже другихъ ѣздилъ верхомъ). Это должно было сильно дѣйствовать на самолюбіе и безъ того уже у него болѣзненно развитое и Грибоѣдовъ постарался выдвинуться въ шалостяхъ и всевозможнаго рода проказахъ. Впослѣдствіи, несмотря на всѣ старанія, онъ долго не могъ отстать отъ этой безпорядочной жизни. Въ новыхъ товарищахъ ему должно было нравиться отсутствіе того лицемѣрія, которое онъ замѣчалъ въ московскомъ свѣтскомъ обществѣ. Вообще, вражда къ Москвѣ и, какъ противовѣсь ей, предпочтеніе, оказываемое Петербургу, сохранялось у Грибоѣдова очень долго, пока не смѣнилось одинаково отрицательнымъ отношеніемъ къ жизни обѣихъ столицъ. Въ Москвѣ его возмущала «праздность, роскошь, не сопряженная ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему». Въ первой своей печатной статьѣ: «Письмо изъ Брестъ-Литовска къ издателю Вѣстника Европы», относящейся къ 1814 году, Грибоѣдовъ, описывая праздникъ, данный офицерами генералу Кологривову, отмѣчаетъ, что въ этомъ праздникѣ — въ противоположность барскимъ затѣямъ — «участвуетъ сердце», что его «украшаетъ пріязнь, благотворительность и другія душевныя наслажденія». Здѣсь уже сказывается будущій авторъ «Горя отъ ума» съ его стараніемъ клеймить наружный блескъ при отсутствіи истинныхъ достоинствъ, съ его склонностью оцѣнивать явленія жизни и людей съ точки зрѣнія того идеала, который сложился въ его душѣ. Вполнѣ естественно, что дѣйствительность не могла удовлетворить его требованіямъ, поступиться же ими онъ не хотѣлъ, и вотъ источникъ отрицательнаго, а подчасъ и безотраднато отношенія къ жизни.

Пушкинъ никогда не доходилъ до той степени безысходнаго отчаянія, которая была знакома Грибоѣдову. Для этого онъ былъ слишкомъ жизнѣдѣтельной натурой, да и развитіе его шло иначе. Прежде всего у него не было такого противорѣчія съ окружающею средой. Въ дѣтствѣ ему пришлось перенести много непріятностей отъ гувернантокъ и отъ взбалмошныхъ, безалаберныхъ родителей. Но чтеніе книгъ изъ отцовской библіотеки, въ чемъ онъ рано сталъ искать себѣ удовольствія, не отчуждало, а только сближало его со взрослыми. У Сергѣя Львовича часто собиравлись самые извѣстные литераторы того времени. Будущій поэтъ привыкалъ жить ихъ интересами, усваивать ихъ литературные вкусы и привычки. Ученіе

въ лицѣ, какъ и домашнее, не было правильнымъ и строго систематическимъ. Но самая эта безалаберность дала, по крайней мѣрѣ, возможность свободно и самостоятельно развиваться дарованіямъ великаго поэта. Первые его произведенія были встрѣчены успѣхомъ; извѣстность его росла не по днямъ, а по часамъ. Слава сама къ нему пришла. Онъ рано опредѣлил себѣ свое призваніе и пошелъ по своему пути бодро и увѣренно. Какая разница съ Грибоѣдовымъ, который въ своихъ домашнихъ видѣлъ враждебное отношеніе къ литературнымъ занятіямъ и долгое время считалъ себя не признаннымъ, недостаточно оцѣненнымъ, даже друзьями! Болѣе благопріятное положеніе Пушкина сказывается между прочимъ и въ томъ, что благодаря бѣльшей самостоятельности, онъ получалъ обильный притокъ жизненныхъ впечатлѣній, что должно было изощрять его природную наблюдательность и фантазію.

Аристократическая обстановка и привилегированность того учебнаго заведенія, гдѣ воспитывался Пушкинъ, въ свою очередь должна была наложить извѣстный отпечатокъ на его общественныя симпатіи. Въ противоположность Грибоѣдову, онъ гордился своимъ дворянскимъ происхожденіемъ и всегда сочувствовалъ дворянству, какъ передовому и единственно образованному классу общества.

Въ 1820 году случился важный поворотъ въ жизни Пушкина: онъ былъ высланъ изъ Петербурга на югъ. За два года до этого уѣхалъ изъ Петербурга въ Персію Грибоѣдовъ въ качествѣ секретаря посольства. Въ сущности, это назначеніе было своего рода почетной ссылкой за участіе въ дуэли гр. Завадовскаго съ гр. Шереметевымъ, окончившейся смертью послѣдняго. Эта дуэль имѣла немаловажное значеніе не только въ судьбѣ, но и въ душевной жизни Грибоѣдова...

Официально Грибоѣдовъ былъ оправданъ за участіе въ дуэли, но чуткая совѣсть не давала ему покоя. На него напала ужасная тоска, онъ безпрестанно видѣлъ передъ собой умирающаго Шереметева... Тутъ Грибоѣдову первый разъ пришлось столкнуться съ общественнымъ мнѣніемъ, которое было всецѣло противъ него, обвиняя въ интригахъ противъ Шереметева. Пошли слухи, дѣлавшіе изъ мухи слона, начались сплетни. Грибоѣдовъ «почувствовалъ необходимость», какъ говоритъ Пушкинъ, «расчесться одиножды, на всегда съ своею молодостью и круто поворотить свою жизнь. Онъ

простился съ Петербургомъ и съ праздною разсѣянностью — и уѣхалъ въ Грузію». Поворотъ, дѣйствительно, былъ очень крутой. Грибоѣдовъ вдругъ очутился въ чуждой ему обстановкѣ, въ странѣ никогда не служившей для него предметомъ мыслей и стремленій. Его ожидалъ цѣлый рядъ впечатлѣній, совершенно несхожихъ съ прежними. Другая была природа, другіе люди! Наибольше сильное и глубокое впечатлѣніе произвелъ на него генераль Ермоловъ, поразившій Грибоѣдова независимостью своего характера и страшною силою воли. Всѣ отзывы Грибоѣдова этого времени о кавказскомъ героѣ полны восторговъ, удивленія и восклицательныхъ знаковъ... На Кавказѣ Грибоѣдовъ выработалъ въ себѣ и необыкновенную физическую ловкость, выносливость и удивительное присутствіе духа... Всѣмъ этимъ онъ, подобно Байрону, обязанъ исключительно самому себѣ... Прежде онъ не обладалъ этими качествами. Отправляясь первый разъ въ продолжительное путешествіе, Грибоѣдовъ высказывалъ опасенія всевозможныхъ несчастныхъ случайностей. Впослѣдствіи онъ безусловно ничего не боялся и утверждалъ, что власть человѣка надъ самимъ собою ограничена только физическою невозможностью и что «во всемъ другомъ человѣкъ можетъ повелѣвать собою совершенно, и даже сдѣлать изъ себя все». Однако ему никогда не пришлось распоряжаться самостоятельно своей собственной судьбой. О его карьерѣ заботилась мать, и онъ былъ слишкомъ почтительномъ сыномъ, чтобы пойти наперекоръ требованіямъ матери. Служба его тяготила. Онъ, какъ и Пушкинъ, считалъ себя призваннымъ къ литературной дѣятельности.

Слѣдуетъ отмѣтить и тутъ разницу въ положеніяхъ нашихъ поэтовъ: Грибоѣдова долгое вынужденное одиночество, тоска по родинѣ привели къ раздражительности; служба его тяготила, онъ постоянно стремился ее оставить,—и до смерти это ему не удалось; Пушкинъ же во время своихъ скитаній всегда отвоевывалъ себѣ независимое положеніе литератора.

Въ литературной дѣятельности Грибоѣдова можно намѣтить тѣ же три основныхъ періода развитія, какъ и у Пушкина. До отъѣзда изъ Петербурга оба они находились подъ сильнымъ вліяніемъ французской литературы XVIII в., одинъ — подъ вліяніемъ легкой французской лирики, другой — комедіи. Въ это время оба поэта вели довольно разсѣянную, беспорядочную жизнь. Это было періодомъ мел-

кихъ литературныхъ интересовъ и крупныхъ кутежей. Произведенія ихъ этого времени не были глубоки по содержанію. Нужны были сильныя впечатлѣнія, чтобы вызвать силы дарованій. Въ этомъ отношеніи Кавказъ имѣлъ благодѣтельное вліяніе на Пушкина и Грибоѣдова. Разнообразныя впечатлѣнія дикой и величественной природы и досада на свое вынужденное скитальчество создали для нихъ самую удобную почву для воспріятія байроническаго настроенія, что и не замедлило отразиться на ихъ поэтической дѣятельности. Наиболѣе характерными чертами явились гордое презрѣніе къ окружающей жизни и неопредѣленные порывы къ чему-то лучшему. Приблизительно съ 1826 г. настроеніе у нашихъ поэтовъ становится болѣе спокойнымъ. Наиболѣе вліянія въ это время на обоихъ имѣеть Шекспиръ. Оба стараются относиться къ жизни безпристрастно, и въ творествѣ ихъ является вѣра въ конечное торжество справедливости. Теперь мы остановимся нѣсколько подробнѣе на каждомъ изъ этихъ періодовъ.

Въ первый періодъ дѣятельности Пушкинъ и Грибоѣдовъ принадлежали къ двумъ враждебнымъ литературнымъ обществамъ: Грибоѣдовъ—къ «Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова», старавшейся противодѣйствовать вліянію на русскую литературу Карамзина и Жуковскаго;—Пушкинъ къ «Арзамасу», стоявшему за новыя теченія. Въ «Бесѣдѣ» господствовало строгое разграниченіе родовъ литературы, и рѣшительное предпочтеніе отдавалось одѣ и ложноклассической трагедіи, всему, что казалось возвышеннымъ и героическимъ, а въ дѣйствительности было ходульно и напыщенно. Къ этому примѣшивались симпатіи къ русской старинѣ и народности, съ неясными представленіями о той и другой. На Грибоѣдова «Бесѣда» едва ли имѣла значительное вліяніе; онъ самъ смѣялся надъ засѣданіями «Бесѣды», считая ихъ снотворными, и скоро освободился отъ стѣсненій, налагаемыхъ на творчество ложноклассической теоріей. Но замѣтная у него склонность къ попыткамъ, остававшимся обыкновенно только попытками, изображать героическія натуры и братья за сюжеты значительныя по содержанію, а также отрицательный его взглядъ на подражаніе иноземному, находится въ нѣкоторой связи съ вліяніемъ «Бесѣды» въ молодости. Во всякомъ случаѣ, ложноклассические герои съ ихъ отвлеченными добродѣтелями и страстями должны были принять у Грибоѣдова, благодаря его личнымъ свойствамъ и вліянію

романтизма, живую плоть и кровь, и притомъ кровь «пламенную», страсти «необузданныя, дикія». Въ концѣ-концевъ отъ ложноклассицизма у Грибоѣдова сохранились только нѣкоторыя внѣшнія черты: единство времени и т. п. Симпатія Грибоѣдова къ изображенію значительнаго въ жизни и героическаго заслуживающаго особеннаго вниманія. Если онъ и касался обыденной дѣйствительности, то только съ отрицательной, сатирической стороны. Въ петербургскій періодъ онъ преимущественно былъ комическимъ писателемъ, а склонность къ героическому не нашла еще себѣ выраженія въ его произведенияхъ.

«Арзамасъ», къ которому применилъ Пушкинъ, осмѣивалъ всякую напыщенность и педантизмъ въ литературѣ, защищалъ новыя литературныя теченія, нововведенія Карамзина, поэзію Жуковскаго и Батюшкова, которые вмѣсто обязательнаго высокопарнаго прославленія героевъ и великихъ подвиговъ, впервые заговорили о душѣ обыкновеннаго человѣка, страдающаго и любящаго. Правда, душа эта подчасъ оказывалась слишкомъ нѣжно любящей и слишкомъ страдающей, но Пушкинъ со свойственнымъ ему чувствомъ мѣры освободился отъ крайностей своихъ предшественниковъ. Жуковскаго, къ которому Грибоѣдовъ относился иронически, подтрунивая надъ «тощими мечтаніями любви идеальной», указывая на туманность и неопредѣленность его поэзіи, Пушкинъ всегда высоко цѣнилъ, но только очень немногія его стихотворенія проникнуты настроеніемъ Жуковскаго. Усвоивъ себѣ гуманное отношеніе къ человѣку этого поэта и чистоту его поэзіи, онъ по свойству своей натуры совершенно не воспринялъ ея мечтательности и излишней чувствительности. Вообще характерная черта Пушкина, какъ всякой гениальной натуры,—это необыкновенное умѣніе учиться, повсюду усваивая себѣ все самое лучшее и отбрасывая шелуху. Какъ у Грибоѣдова героизмъ, такъ у Пушкина идеаломъ навсегда остались душевная гармонія и непосредственность.

Если Грибоѣдовъ, какъ мы видѣли, выходилъ своими симпатіями изъ узкихъ программъ «Бесѣдниковъ», то и Пушкинъ вскорѣ не ограничился взглядами и вкусами «Арзамаса». Онъ сблизился съ Катенинымъ и Ленинымъ, которые далеко не были враждебно настроены противъ «Бесѣды». Тотъ самый Катенинъ, которому Грибоѣдовъ писалъ: «тебѣ обязанъ я зрѣlostью, объемомъ и даже ори-

гинальностью моего дарованія» ¹⁾), повліялъ и на Пушкина. «Ты», писалъ Пушкинъ Катенину въ февралѣ 1826 года, «отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли». Такимъ образомъ Пушкинъ и Грибоѣдовъ оказались, въ сущности, гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ это можно было предположить, судя по принадлежности ихъ къ враждующимъ литературнымъ партіямъ.

Какъ мы уже говорили, время жизни, проведенное нашими писателями въ Петербургѣ до отъѣзда на Кавказъ, является первымъ періодомъ ихъ литературной дѣятельности. Это былъ періодъ выучки, усовершенствованія въ стихотворной техникѣ, въ выработкѣ языка, — періодъ различныхъ вліяній и подражательности и вмѣстѣ съ тѣмъ развитія все болѣе и болѣе пробуждающейся и заявляющей о себѣ самобытности. Грибоѣдовъ писалъ въ то время посредственные и незначительныя по содержанію пьесы, болѣею частью перелѣлки съ французскаго, которыя въ свое время давались на сценѣ, имѣли успѣхъ, но вполне справедливо заслужили бы полного забвенія у потомства, если бы не имя ихъ автора.

Представляетъ извѣстный интересъ по этимъ пьесамъ прослѣдить, какъ творчество будущаго автора «Горя отъ ума» постепенно все болѣе сближается съ жизнью, какъ въ этихъ произведеніяхъ, написанныхъ къ сроку, на заказъ или изъ полемическихъ цѣлей — слѣдовательно, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, нѣтъ-нѣтъ да и проявятся личные взгляды Грибоѣдова и впечатлѣнія отъ пережитой жизни. Въ лицѣ Звѣздова въ лучшей комедіи этого періода: «Студентъ» мы уже видимъ отрицательное отношеніе нашего сатирика къ праздному барству съ его крѣпостничествомъ, тщеславіемъ и мелочностью, что впоследствии нашло себѣ такое яркое выраженіе въ «Горѣ отъ ума». Комедія «Студентъ» написана въ 1817 г. въ сотрудничествѣ съ Катенинымъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ ней является бѣдный студентъ Беневольскій, поклонникъ сентиментальной поэзіи и самъ чувствительный поэтъ; на него то главнымъ образомъ и направлены стрѣлы авторскаго остроумія и насмѣшекъ. Несомнѣнно, что пьеса имѣла въ виду осмѣять поэзію

¹⁾ Соч. Гриб. Изд. Шляпкина. I т., 197 стр.

Жуковского и Батюшкова и обнаружить несогласимость мечтательной поэзии съ жизнью, несогласимость, которая приводит къ безсознательной лжи и въ жизни, и въ поэзи.

Беневольскій постоянно твердитъ о возвышенности своей души, о тонкости своихъ ощущеній и т. д., а въ то же время способенъ на выключиванье и карьеризмъ. Дѣйствительное отношеніе его къ поэзи характеризуется тѣмъ, что онъ одинаковѣ желаетъ быть: поэтомъ, министромъ и полководцемъ, и никакъ не можетъ рѣшить, что лучше: громкая поэтическая слава или важный постъ и высокій чинъ. Пьеса много выигрываетъ оттого, что Беневольскій не изображенъ ни сознательнымъ лгуномъ, ни обманщикомъ. Онъ только не можетъ дать себѣ отчета, къ чему собственно его тянетъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что и въ славѣ поэта и въ высокомъ посту онъ цѣнитъ одно только виѣшнее: извѣстность, блескъ, удовлетвореніе собственнаго тщеславія; болѣе же серьезнаго душевнаго содержанія у него совсѣмъ нѣтъ. Одна изъ нападокъ въ пьесѣ, можетъ быть, косвеннымъ образомъ, направлена и противъ Пушкина. Такъ мы встрѣчаемъ въ комедіи неодобрительный отзывъ о «пѣвцахъ своей печали». Данное выраженіе принадлежитъ Пушкину и находится въ одномъ изъ его стихотвореній 1816 года:— «Пѣвецъ». Если это такъ, то упрекъ этотъ по отношенію къ Пушкину едва ли попадаетъ въ цѣль. Грибоѣдовъ осуждаетъ романтизмъ Жуковского за отсутствіе простоты, естественности и реальнаго отношенія къ дѣйствительности. «Богъ съ ними, съ мечтаніями»;— говоритъ Грибоѣдовъ въ одной своей критической статьѣ— «нынѣ въ какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, пѣснь или посланіе, вездѣ мечтанія, а натуры ни на волосъ». Въ той же статьѣ онъ упрекаетъ Гнѣдича за то, что тотъ «непримиримый врагъ простоты». Нечего и говорить, что упреки за отсутствіе простоты не приложимы къ Пушкину. Будучи еще четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ заявлялъ, что желаетъ быть понятнымъ всѣмъ, «отъ мала до велика», и находилъ, что «грѣшно» и «стыдно» писать «слишкомъ мудрено».

Романтизмъ у Жуковского грѣшилъ, какъ извѣстно, уже тѣмъ, что подражалъ нѣмецкимъ образцамъ, тогда какъ сущность романтизма заключалась въ возвращеніи къ своей собственной старинѣ и народности. Грибоѣдовъ, осуждая поэзію Жуковского, которая отра-

зила только туманно-фантастическую сторону романтизма, самъ былъ романтикомъ въ болѣе глубокомъ смыслѣ. Романтизмъ на Западѣ былъ реакціей чувства противъ разсудочности XVIII вѣка. На смѣну отвлеченнымъ космополитическимъ идеямъ явилась идея національности, вмѣсто принципа равенства—стремленіе къ индивидуализму, вмѣсто невѣрія—потребность непосредственной вѣры, вмѣсто стремленія къ социальнымъ улучшениямъ—возвращеніе къ своему прошлому, гдѣ жизнь, повидимому, была полна душевной цѣльности и поэзии. Въ романтизмѣ были, слѣдовательно, и прогрессивныя и реакціонныя струи. И тѣ и другія отразились на отношеніяхъ романтиковъ къ наукѣ. Съ одной стороны, человѣчество усумнилось въ цѣнности схематическихъ построеій, къ которымъ былъ такъ пристрастенъ XVIII в., и потребовало болѣе вдумчивыхъ наблюденій надъ жизнью, что было прогрессомъ для науки. Съ другой,—признавъ ограниченность нашего разума, оно не остановилось на этомъ и превозгласило превосходство чувства надъ разумомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе этого явилось пренебрежительное отношеніе къ наукѣ и знанію. У Пушкина и Грибоѣдова мы всюду встрѣчаемъ вражду къ сухому разсудку и любовь къ искреннему энтузіазму, но иногда какъ будто вражду къ знанію и наукѣ, такъ какъ знаніе и наука уничтожаютъ этотъ благородный энтузіазмъ. Сожалѣя о томъ, что пришлось развѣнчать обманчивыя мечты юности, Грибоѣдовъ съ горькой ироніей восклицаетъ:

И что жъ съ тѣхъ поръ? Мы мудры стали,
Ногой отгѣрили пять словъ,
Соорудили темный гробъ,
И въ немъ живыхъ себя заклали.
Премудрость! Вотъ урокъ ея:
Чужихъ законовъ несть ядро,
Свободу схоронить въ могилу,
Не вѣрили въ собственную силу,
Отвагу, дружбу, честь, любовь.

У Пушкина въ параллель къ этому можно привести два стиха изъ «Фауста»

Въ глубокомъ знаніи жизнь вѣтъ—
Я проклиналъ знаній ложный свѣтъ...

и слѣдующее мѣсто изъ «Героя»

Да будетъ проклять правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ маѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Не странно ли читать подобные отзывы, враждебные наукѣ и знанію у тѣхъ писателей, которые сами принадлежали къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени и неоднократно высказывались за необходимость для общества самаго широкаго образованія? Главною причиною бѣдности родной литературы Пушкинъ и Грибоѣдовъ видѣли въ невѣжественности нашихъ писателей и въ отсутствіи у нихъ охоты къ самообразованію. «Мало у насъ писателей, которые бы учились» — сожалѣлъ Пушкинъ, — «большая часть только разучиваются». Грибоѣдовъ же смѣялся, что наши литераторы учатся только «читать и писать, и то плохо». Все это доказываетъ, что нападокъ нашихъ поэтовъ на науку и знаніе отнюдь не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ; въ приведенныхъ стихахъ отразилось только вліяніе романтизма. У другихъ нашихъ романтиковъ мы встрѣчаемъ тотъ же мотивъ, у Лермонтова:

Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.

Баратынскій описываетъ «послѣдняго поэта» въ такихъ стихахъ:

Воспѣваетъ простодушной
Онъ любовь и красоту,
И науки, имъ ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетныя страданья
Легкомысліемъ цѣля,
Лучше, смертный, въ дни незнанья
Радость чувствуетъ земля!

Всего лучше этотъ же мотивъ выраженъ въ стихотвореніяхъ Баратынскаго «Истина» и «Примѣты», гдѣ говорится, что человѣкъ былъ счастливъ, пока жилъ непосредственною жизнью, заодно съ природой,

Но чувство презрѣвъ, онъ доврѣилъ уму, ;
 Вдался въ сусу пысканій,
 И сердце природы закрылось ему,
 И вѣтъ на землѣ прорицаній.

Глубокое вліяніе романтизма у Пушкина и Грибоѣдова сказывается еще въ томъ, что, въ противоположность Жуковскому, они обращаютъ серьезное вниманіе на русское народное творчество и на родную старину, и тамъ ищутъ себѣ сюжетовъ для вдохновенія. Дѣятельность Пушкина въ этомъ отношеніи достаточно извѣстна; напомнимъ только, что и у Грибоѣдова есть два стихотворенія, относящіяся къ послѣднимъ годамъ его жизни: «Востокъ» и «Домовой», отъ которыхъ вѣетъ народной поэзіей. Что касается до обращенія къ родной старинѣ, слѣдуетъ замѣтить, что Пушкинъ и Грибоѣдовъ съ особенною охотой останавливались на тѣхъ эпохахъ и событіяхъ, гдѣ наиболѣе ярко выразилась, по ихъ мнѣнію, та удалъ и широкій размахъ, которые по традиціи принято считать основными свойствами русской души... Пушкинъ переносится въ эпоху Олега, Владиміра Красна-Солнышка, Петра Великаго и т. д. Этимъ же объясняется его интересъ къ поволжскимъ разбойническимъ движеніямъ. Грибоѣдовъ любилъ переноситься воображеніемъ почти исключительно въ самыя отдаленныя времена русской исторіи, времена Великаго Новгорода и Половецкихъ набѣговъ. Западныя романтики любили обращать свои взоры къ среднимъ вѣкамъ и рыцарству; наши поэты искали въ русской исторіи соответствующей эпохи...

На ряду съ различными литературными вліяніями идетъ у нашихъ поэтовъ работа мысли подъ вліяніемъ лично пережитого опыта.

Въ юношескихъ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ или воспѣваетъ беззаботное наслажденіе жизнью или изливаетъ «горести несчастливой любви». Но по мѣрѣ того, какъ въ молодомъ поэтѣ крѣпнеть критическая мысль и вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется жизненный опытъ, онъ начинаетъ сомнѣваться въ дѣйствительной цѣнности того, въ чемъ искалъ себѣ счастья. Съ теченіемъ времени сомнѣнія его еще болѣе усиливаются. Годы ссылки ознаменованы для него тяжелой внутренней борьбой. Онъ подвергаетъ критической оцѣнкѣ все то, что до сихъ поръ считалъ истинными благами жизни: дружбу, любовь, славу; во всемъ разочаровывается и долго не находитъ

выхода изъ томящей его неудовлетворенности. Горькая жалоба вырывается у него въ это время: «Я пережилъ свои желанья!»

Въ «Кавказскомъ плѣнникѣ», поэмѣ, написанной въ 1821 году и наиболѣе любимой самимъ поэтомъ, про героя поэмы говорится:

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ друзей нашель измѣну,
Въ мечтахъ любви—бсзумный совь.

Въ слѣдующемъ году, посылая своему брату благія совѣты и правила общежитія, почерпнутыя изъ собственнаго тяжкаго опыта, Пушкинъ хотѣлъ предостеречь своего брата отъ обольщеній дружбы и любви, «но»—пишетъ онъ—«у меня не хватаетъ духу черетвить твою душу въ пору ея сладчайшихъ мечтаній».

Въ «Сценѣ изъ Фауста» подвергается вопросу самая возможность личнаго счастья.

Желалъ ты славы—и добился,
Хотѣлъ влюбиться—и влюбился..
Ты съ жизни взялъ возожну дань,
А бытъ ли,счастливь?

«Кавказскій плѣнникъ» и «Сцена изъ Фауста»—наиболѣе крупныя выраженія душевной борьбы Пушкина. Въ первомъ изъ этихъ произведеній отразилось влiяне Байрона. Впрочемъ, вообще влiяне Байрона на Пушкина было незначительно. Мрачная, протестующая поэзія англійскаго поэта мало гармонировала съ ясною натурою Пушкина.

Наиболѣе характерной чертой его байронизма явилось то, что у самого Байрона далеко не было существеннымъ—разочарованіе въ жизненныхъ благахъ. Въ «Цыганахъ» Пушкинъ уже пытается освободиться отъ влiянія Байрона, влагая въ уста стараго цыгана такой упрекъ гордому Алеко: «Ты для себя лишь хочешь воли». Въ первыхъ пѣсняхъ «Евгенія Онѣгина» Пушкинъ разлагаетъ жизненное разочарованіе на два основныхъ вида по его происхожденію: на пресыщеніе жизненными удовольствіями и на наивное исканіе абсолютной цѣнности въ любви, дружбѣ и славѣ. Первое онъ объективируетъ въ Онѣгинѣ, второе въ Ленскомъ. «Фаустомъ» заканчивается второй періодъ дѣятельности Пушкина—періодъ разочарованія.

Совершенно иначе пережилъ байроническое настроеніе Грибоѣдовъ. Чисто литературнаго вліянія, т. е. въ сюжетахъ, обрисовкѣ характеровъ и положеніяхъ, у Грибоѣдова, въ противоположность Пушкину, совѣмъ нѣтъ, но многія характерныя черты байронизма мы находимъ у него въ болѣе сильной степени, чѣмъ у Пушкина:— негодованіе противъ общественнаго мнѣнія, непримиримую ненависть къ «ложной культурѣ», къ свѣту и къ безличной толпѣ и, какъ противовѣсъ этому, любовь къ исключительнымъ личностямъ, обреченнымъ судьбою на одиночество среди мелкаго и ничтожнаго общества или—къ дикимъ народамъ, простота жизни которыхъ замѣтно идеализируется, наконецъ, сочувствіе всѣмъ угнетеннымъ и изнемогающимъ подъ гнетомъ какого бы то ни было деспотизма. Все это приняло у Грибоѣдова своеобразный оттѣнокъ. Тутъ было, собственно говоря, не столько непосредственное вліяніе байронизма, сколько развитіе параллельнаго ему теченія на русской почвѣ, возникшее въ атмосферѣ всеобщаго увлеченія Байрономъ. Къ тому же, и обстоятельства личной жизни Грибоѣдова должны были способствовать развитію подобнаго настроенія. Чего стоилъ въ этомъ отношеніи одинъ гнетъ вѣчной зависимости отъ своихъ домашнихъ и службы! Но у Грибоѣдова не было свойственной англійскому поэту склонности позировать и любоваться самимъ собою, хотя одинъ изъ его современниковъ и заявляетъ, что Грибоѣдовъ старался казаться загадочнымъ и всю жизнь ходилъ на ходуляхъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ опредѣлить, когда Грибоѣдовъ впервые ознакомился съ созданіями Байрона. Мы знаемъ только, что онъ былъ очень начитанъ въ западной литературѣ ¹⁾. Въ 1821—1822 годахъ, когда байроническое настроеніе входило у насъ въ моду, Грибоѣдовъ, по его собственнымъ словамъ, живя въ Грузіи, мало служилъ, за то вдоволь начитался. Какъ бы тамъ ни было, но для нашего драматурга достаточно было самаго незначительнаго вліянія; ему трудно было не поддасться настроенію «вѣстителя думъ» своего времени, такъ какъ въ немъ самомъ были задатки для развитія такого настроенія. Уже

¹⁾ Онъ раньше Пушкина оцѣнилъ Шекспира: Пушкинъ оцѣнилъ Шекспира въ 1825 г., (см. письмо его къ Н. Н. Раевскому въ сент. 1825 г.); у Грибоѣдова преклоненіе предъ Шекспиромъ замѣтно въ письмѣ къ Бѣлицеву, написанномъ въ августѣ 1824 года.

въ первый періодъ дѣятельности у него было отрицательное отношеніе къ дѣйствительности, наклонность всюду замѣчать темныя стороны жизни и изрѣдка, для контраста отыскивать и указывать на примѣры добродѣтели и героизма. Во второй періодъ жажда подвиговъ усилилась, а отрицательное отношеніе перешло въ негодованіе.

Если Пушкину пришлось разочароваться въ лучшихъ душевныхъ наслажденіяхъ, то Грибоѣдовъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ въ этотъ періодъ подвергнуть испытанію и свою вѣру въ героизмъ и добродѣтель. Разрушая обманчивыя призраки юности онъ долженъ былъ усумниться и въ томъ, существуетъ ли въ дѣйствительности героизмъ и добродѣтель, идеаль которыхъ сложился у него въ душѣ. Онъ чувствовалъ, что безъ этихъ идеаловъ жизнь для него станетъ жалкимъ прозябаніемъ, лишеннымъ всякаго смысла. И чѣмъ болѣе дѣйствительность расходилась съ мечтами Грибоѣдова, тѣмъ настойчивѣе цѣнилъ онъ свои идеалы, откапывая примѣры героизма въ отдаленномъ прошломъ или въ жизни полудикихъ народовъ. Здѣсь мы находимъ у Грибоѣдова сходство съ Байрономъ.

Одинъ изъ героевъ въ «Диалогѣ полководческихъ мужей» заявляетъ у Грибоѣдова, что

... человекъ рожденъ гонять врага,
Настичь, убить иль запелить арканомъ,

и тотъ, по его мнѣнію, не живетъ, «кто на путяхъ не рыщетъ алчнымъ враномъ».

Въ одной своей прозаической статьѣ Гр. съ восторгомъ вспоминаетъ «тотъ вѣкъ необузданной вольности, въ который нѣсколько удалцовъ бросалось въ легкіе струи, спускались внизъ по протоку Ахтубѣ, по Бузань-рѣкѣ, дерзали въ открытое море, брали дань съ прибрежныхъ городовъ и селеній, не щадили ни красоты дѣвичьей; ни сѣдины старческой». Съ нравственной точки зрѣнія во всемъ этомъ, конечно, мало хорошаго, но дикая удаль всегда плѣняла воображеніе романтиковъ.

Байронъ склоненъ былъ идеализировать полудикіе народы на счетъ европейскаго культурнаго общества. То же мы встрѣчаемъ и у Грибоѣдова. Въ его стихотвореніи: «Хищники на Чечемѣ» дикіе горцы заявляютъ о попавшихся имъ въ плѣнъ русскихъ.

Узы—жребій имъ прплчійный,
Въ ихъ землѣ и свѣтъ темачный.

И ужасень ли обмѣвъ?
Дома цѣли! Въ чужѣ плѣвъ!

Сочувствіе горцамъ замѣтно и въ письмахъ Грибоѣдова: «Пускаюсь въ Чечню—теперь это меня нѣсколько занимаетъ,—борьба горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеніемъ (п. XXXVII).

Въ цѣломъ рядѣ задуманныхъ и болѣею частію не оконченыхъ произведеній Грибоѣдова мы находимъ одинъ и тотъ же основной мотивъ: трагическое положеніе выдающейся личности, одаренной благородной и «пламенной» душой, среди мелкаго и пошлаго общества.

Въ прологѣ «Юность Вѣщаго», гдѣ рѣчь идетъ о Ломоносовѣ, мы читаемъ:

„Ахъ! огъ пелень
„Томится сколько гдѣ ревнигель славы!
Еще томится возмужалый онъ,
Отвержень и не признавъ, угнетень...
Судьба! О, какъ тверды твои уставы!
Великимъ средь Австраліи зыбей,
Иль въ Сѣвера снѣгахъ, вездѣ одно ли
Присуждено?—Искать желанной доли
Путемъ вражды, препятствій и скорбей“.

Въ задуманной трагедіи «Родамистъ и Зенобія» главное дѣйствующее лицо должно было обладать душой, «алчущей великихъ дѣлъ и нынѣ принужденной довольствоваться ловитвою вепрей и сернь». Въ другой задуманной пьесѣ, въ драмѣ «1812 годъ»—главное дѣйствующее лицо крѣпостной человекъ, нѣкто М., совершаетъ чудеса храбрости, а по окончаніи войны обойденъ наградами и отпускается подъ палку своего господина.

Какъ мы видимъ, второй періодъ дѣятельности Грибоѣдова рѣзко отличается отъ перваго по характеру произведеній и по настроенію, которымъ они проникнуты. Прежде былъ молодой задоръ, склонность къ полемикѣ и насмѣшливость,—теперь авторъ склоняется къ трагизму ¹⁾. Этотъ трагизмъ замѣтенъ и въ «Горѣ отъ ума».

¹⁾ Одинъ только разъ въ это время Грибоѣдовъ, что называется „тряхнулъ старинной“; онъ попробовалъ въ сотрудничествѣ съ Вяземскимъ написать оперу-водевиль: „Кто братъ? Кто сестра?“ Водвиль этотъ вышелъ неудачнымъ и не имѣлъ успѣха на сценѣ.

Надъ этой великой комедіей Грибоѣдовъ работалъ съ самой ранней юности, но только въ этомъ, второмъ періодѣ характеръ Чацкаго и отношеніе его къ окружающему обществу приобрѣли ясность и опредѣленность. (См. статью проф. Веселовскаго о Грибоѣдовѣ; Рус. Библ. стр. XXXVIII, 6—7 строки). Въ петербургскій періодъ Грибоѣдовъ, насколько мы его знаемъ по письмамъ и произведеніямъ этого времени, не могъ вложить въ своего героя ту силу и благородство негодованія, которымъ отличается Чацкій въ позднѣйшихъ редакціяхъ. Въ первоначальныхъ наброскахъ знаменитая пьеса могла отличаться колкостью, веселостью и остроуміемъ, но какъ и въ комедіи «Студентъ», въ ней не было ни энтузіазма, ни негодованія.

Чацкому Пушкинъ отказалъ въ умѣ и назвалъ его просто «пылкимъ малымъ». «Первый признакъ умнаго человѣка» — говоритъ Пушкинъ — «съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и т. п.» Разногласіе между Пушкинымъ и Грибоѣдовымъ произошло тутъ отъ различнаго пониманія слова «умъ». Чацкій несомнѣнно очень уменъ, но горе его происходитъ не отъ ума, а отъ пылкости. Дѣло въ томъ, что, по представленію Грибоѣдова, умъ всегда соединяется съ благородствомъ сердца и пылкостью, умовъ же холодныхъ, разсудительныхъ и осторожныхъ онъ не признавалъ! Это можно видѣть, какъ изъ многочисленныхъ отзывовъ Грибоѣдова, разсѣянныхъ въ его перепискѣ, о самомъ себѣ и друзьяхъ, такъ и изъ самой комедіи. Невозможно, напр., отрицать ума въ другѣ Чацкаго — Платонѣ Михайловичѣ, а между тѣмъ авторъ не выдѣлялъ его изъ общей толпы глупцовъ, какъ это можно заключить по извѣстному письму къ Катенину, гдѣ Грибоѣдовъ утверждаетъ, что въ его комедіи только одинъ умный человѣкъ — Чацкій. Платонъ Михайловичъ сходится съ своимъ другомъ во мнѣніяхъ объ окружающихъ, самъ дѣлаетъ очень ѣдкое замѣчаніе на счетъ Загорѣцкаго, но когда является случай заступиться за своего друга, онъ по вялости характера не рѣшается плыть противъ теченія и вопреки своему внутреннему убѣжденію соглашается, что если *все* признають Чацкаго безумнымъ, то приходится «вѣрить поневолѣ».

Такая вялая, пассивная личность не могла быть особенно симпатичной Грибоѣдову, который болѣе всего цѣнилъ пылкость чувства и тѣхъ, въ комъ находилъ это свойство, называлъ и умными; если

же онъ употребляетъ выраженіе «трезвый умъ», то это у него звучитъ обыкновенно синонимомъ пошлости ¹⁾. Приведемъ нѣсколько отзывовъ Грибоѣдова о себѣ самомъ, разсѣянныхъ въ его перепискѣ... Грибоѣдовъ называетъ себя «пасынкомъ здраваго разсудка» (т. I, изд. Шл., 157 стр.), пишетъ, что у него все не на своемъ мѣстѣ, «а самое первое голова» (161 стр.); завидуетъ Бѣгичеву, что тотъ, не имѣя матери, никому не обязанъ казаться основательнымъ (157 стр.) «иной разъ» — сообщаетъ Грибоѣдовъ — «нападаетъ на меня охота остепениться, и тутъ ужъ я дѣйствительно глупѣю». (Письмо къ Ахвердовой. ХCV; русскій переводъ). А вотъ что пишетъ Грибоѣдовъ изъ Петербурга объ извѣстномъ партизанѣ Денисѣ Давыдовѣ: «здѣсь нѣтъ эдакой буйной и умной головы, я это всѣмъ твержу; всѣ они, сонливые меланхолики, не стоятъ выкурки изъ его трубки» (195 стр.). Такихъ примѣровъ можно привести множество ²⁾.

Излагая Софѣѣ свои преимущества передъ Молчалинымъ, Чацкій ставитъ въ упрекъ Молчалину, что онъ «смирень», «смолчить и голову повѣсить», и что «та страсть, то чувство, пылкость та», которая присуща самому Чацкому, неизвѣстна Молчалину. Умѣренный и аккуратный Молчалинъ, пользующійся всеобщимъ расположеніемъ, является во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе яркою противоположностью Чацкому. Грибоѣдовъ со свойственной ему склонностью находить противорѣчія между наружнымъ видомъ и внутренними достоинствами, разоблачая услужливаго, скромнаго Молчалина, выказываетъ самыя горячія симпатіи къ «отъявленному моту и сорванцу». Смыслъ безсмертной комедіи не столько въ борьбѣ двухъ поколѣній, сколько въ трагической судьбѣ одинокой, пылкой и благородной личности среди окружающей ее пошлости. Всего лучше этотъ смыслъ выраженъ въ слѣдующихъ стихахъ:

„Ахъ, какъ судьбы игру постичь!
 „Людей съ душой—гонительница, бить!
 „Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ“.

Чацкій именно «человѣкъ съ душой». Это выраженіе, встрѣчающееся въ піесѣ еще одинъ разъ («...чтобъ искру заронилъ Онъ въ комъ-нибудь съ душой»...)—всего лучше его опредѣляетъ.

¹⁾ См. изд. Шляпкина, т. I, стр. 179—о „трезвыхъ умахъ“.

²⁾ См. т. I, изд. Шляпкина, стр. 30—31, 172, 188, 211 и т. д.

Такимъ образомъ «Горе отъ ума» по основной своей мысли при-
мыкаеть къ цѣлому ряду произведеній второго періода.

Негодование Грибоѣдова противъ мелочнаго, тщеславнаго и ли-
цемернаго общества, его презрѣніе къ общественнымъ мнѣніямъ и
приговорами, такъ ярко выразившіяся въ «Горѣ отъ ума», отража-
ются и на частныхъ фактахъ его личной жизни и чуть ли не на
каждой страницѣ его переписки. Вотъ что, напр., пишетъ онъ отно-
сительно кн. Шаховскаго въ одномъ изъ своихъ писемъ: «я у него
бываю оттого, что всѣ другіе его ругаютъ, это въ моихъ глазахъ
придаеть ему нѣкоторое достоинство». (17 ок. 1824 г.). Не смягчилъ
въ этомъ отношеніи Грибоѣдова и неожиданный шумный успѣхъ,
который выпалъ на долю его комедіи среди этого общества. До по-
явленія «Горя отъ ума» литературное самолюбіе Грибоѣдова искало,
но не находило себѣ удовлетворенія. «Рожденный съ честолюбіемъ,
равнымъ его дарованіямъ,—говорить о немъ Пушкинъ,—«долго былъ
онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности... Нѣсколько
друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую,
несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ нео-
быкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что меж-
ду ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводи-
тельствовавшій ни одною егерскою ротой, или другой Декартъ, не
напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ». Пуш-
кинъ не зналъ только, что, по мнѣнію самого Грибоѣдова, даже друзья
не цѣнили его настолько, насколько онъ этого заслуживалъ. Съ по-
явленіемъ «Горя отъ ума» долго ожидаемая слава наконецъ пришла,
но не надолго вскружила она голову Грибоѣдову. Лесть и заиски-
ванія, которыя онъ теперь встрѣтилъ, глубоко его возмутили. «Не
могу пожаловаться, отовсюду колѣнопреклоненія и ѳиміамъ, но вмѣ-
стѣ съ этимъ—сытость отъ ихъ дурачества, ихъ сплетенъ, ихъ ми-
шурныхъ талантовъ, и мелкихъ ихъ душишекъ» (193 стр. I т.). Въ
это же время Грибоѣдовъ переводитъ прологъ изъ «Фауста» Гёте,
и не весь, а только ту его часть, гдѣ выражается презрѣніе поэта
къ вкусамъ и требованіямъ толпы. Тутъ мы видимъ примѣръ того,
какъ тѣсно творчество у нашего автора соприкасается съ жизнью.
Въ письмѣ къ Бѣгичеву отъ августа 1824 года Грибоѣдовъ сер-
дится на самого себя за то, что не можетъ «оторваться отъ побря-
кушекъ авторскаго самолюбія». «Ты, безцѣнный другъ мой,—пишетъ

онъ Бѣгичеву, —насквозь знаешь своего Александра; подивись гвоздю, который онъ вбилъ себѣ въ голову, мелочной задачѣ, вовсе несообразной. съ ненасытностью души, съ пламенною страстью къ новымъ вымысламъ, къ новымъ познаніямъ, къ переменѣ мѣста и занятій, къ людямъ и дѣламъ необыкновеннымъ. И смѣю ли здѣсь думать и говорить объ этомъ? Могу ли прилежать къ чему-нибудь высшему?» ¹⁾ (см. соч. Гр.; изд. Шл. т. I, 186 стр.). Своей безсмертной комедіей Грибоѣдовъ не былъ вполнѣ удовлетворенъ и во всякомъ случаѣ считалъ себя способнымъ создать что-либо лучшее. Когда Булгаринъ помѣстилъ въ своихъ «Литературныхъ прибавленіяхъ» къ «Инвалиду» статью, гдѣ хвалилъ его, какъ автора только что появившейся превосходной комедіи, Грибоѣдовъ разорвалъ знакомство съ Булгаринымъ, заявивъ въ письмѣ, что правила благопристойности и собственное къ себѣ уваженіе не дозволяютъ ему быть предметомъ похвалы незаслуженной. «Вы меня хвалили какъ автора—говоритъ онъ — а я именно какъ авторъ ничего еще не произвелъ истинноизящнаго» ²⁾.

Усилившееся за это время у Грибоѣдова чувство уваженія къ самому себѣ отразилось между прочимъ и на его отношеніи къ полемикѣ. Самъ прежде страстный полемистъ («Лубочный театръ», «Отвѣтъ на разборъ» «Лжоры», «Студентъ») теперь онъ называетъ полемику «борьбой ребяческой, вздорной», удобной только для тѣхъ, «которые отъ души желаютъ, чтобы отечество наше оставалось въ вѣчномъ младенствѣ» (I т. 203 стр.). Возвращеніе въ Петербургъ въ 1824 году имѣло для Грибоѣдова еще то значеніе, что онъ возненавидѣлъ теперь и петербургское общество, какъ прежде ненавидѣлъ только московское.

Недаромъ въ знаменитомъ патриотическомъ монологѣ Чацкаго въ III дѣйствіи стихи, гдѣ первоначально упоминалось только объ одной

¹⁾ Гиперболическій способъ выраженія, свойственный романсикамъ вообще, очень замѣтенъ въ этомъ письмѣ Грибоѣдова.

²⁾ Этотъ странный разрывъ съ Булгаринымъ, бывшій, впрочемъ, временнымъ, находятъ себѣ некоторое объясненіе въ томъ фактѣ, что какъ разъ въ это время разорвалъ свои отношенія съ Булгаринымъ пѣ-за взаимныхъ недоразумѣній одианъ пѣзъ близкыхъ друзей Грибоѣдова—кн. В. Ѳ. Одоевскій. См. Официальное письмо кн. В. Ѳ. Одоевскаго Булгарину, напечатанное въ IV книжкѣ „Мнемозины“. По своему тону и некоторымъ выраженіямъ оно подходитъ къ Грибоѣдовскому.

Москвѣ, были въ послѣдствіи передѣланы Грибоѣдовымъ. Въ первоначальныхъ редакціяхъ читаемъ: «Москва — столичное въ Россіи мѣсто,—то... и т. д.» и «И въ этой же Москвѣ»;—въ позднѣйшихъ же редакціяхъ — «Москва и Петербургъ, во всей Россіи то»..., «И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ»...

«Боже мой! Когда вырвусь изъ этого мертваго города!»—пишетъ Грибоѣдовъ изъ Петербурга (т. I, 190); «Что въ городѣ дѣлается», заявляетъ онъ въ другомъ письмѣ, «не знаю, да и знать не хочу» (195). Какъ изъ Персіи Грибоѣдовъ стремился въ Россію, такъ теперь онъ собирается за границу: «я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ трясиномъ государствѣ... Скоро отправлюсь и — надолго». Побывать за границей Грибоѣдову, какъ и Пушкину, не удалось; но врядъ ли на всемъ свѣтѣ былъ такой уголокъ, гдѣ Грибоѣдовъ этого времени могъ бы найти себѣ душевное успокоеніе. «Какой міръ! Кѣмъ населенъ! И какая дурацкая его исторія!» — восклицала онъ въ отчаяніи. Въ своихъ взглядахъ на отношенія Россіи къ Западу наши поэты расходились. Пушкинъ стоялъ за то, чтобы брать хорошее отовсюду, гдѣ оно есть, между прочимъ изъ богатой сокровищницы запада, благо она подъ руками; Грибоѣдовъ же глубоко сожалѣлъ, что со времени Петра Великаго русская жизнь подчинилась западному вліянію и уклонилась отъ самобытнаго теченія. Патриотическія тирады Чацкаго вовсе не были случайны. Въ «Горе отъ ума» древнерусскія симпатіи Грибоѣдова выразились еще сравнительно слабо, и упреки въ старовѣрствѣ, дѣлавшіеся иногда по адресу Чацкаго, совершенно не основательны. Вѣдь Чацкій ратуетъ только противъ «пустого, рабскаго, слѣпонаго подражанья, противъ «тошноты» «по сторонѣ чужой»; что же касается до совѣта поучиться у Китайцевъ, то онъ предлагаетъ только «*нѣсколько* занять премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ»—и развѣ не естественны подобныя пожеланія въ устахъ Чацкаго? Гораздо опредѣленнѣе высказался Грибоѣдовъ въ статьѣ «Загородная поѣздка». Русскій національный характеръ онъ предпочиталъ характерамъ другихъ націй, потому что видѣлъ въ немъ наклонность къ необузданной удали и размаху, что должно было соотвѣтствовать до извѣстной степени его идеалу героизма. Вообще, не принявъ во вниманіе стремленій Грибоѣдова къ «дѣламъ и людямъ необыкновеннымъ» и вытекающей отсюда вѣчной неудовлетворенности окружающею дѣйствительностью

невозможно ни понять личность Грибоѣдова, ни найти общую связь въ его убѣжденіяхъ, между тѣмъ какъ эти двѣ основныхъ черты объясняютъ намъ многое. То, что онъ зналъ и видѣлъ вокругъ себя, его глубоко неудовлетворяло, и онъ, какъ это часто бываетъ, невольно идеализировалъ то, чего не зналъ или что зналъ хуже: простой народъ—на счетъ вышнихъ классовъ, и русскую старину—на счетъ современной ему дѣйствительности. Недаромъ Чацкій, укоряя свѣтское общество, указываетъ ему на «милый, добрый нашъ народъ» и на «старину святую». У русскихъ крестьянъ онъ находилъ «смѣлыя черты» и «вольныя движенія», но еще болѣе цѣнилъ ихъ за внутреннія качества. У простыхъ людей онъ видѣлъ «истинныя достоинства», чего такъ мало находилъ въ другихъ сословіяхъ. Всего ярче такое отношеніе выразилось въ задуманной имъ драмѣ «1812 годъ». Изъ дошедшаго до насъ плана этой драмы мы можемъ заключить, что Грибоѣдовъ собирался изобразить «всеобщее ополченіе безъ дворянъ» и указать на «трусость и отсутствіе истиннаго патріотизма въ этомъ сословіи». Отношеніе Грибоѣдова къ крѣпостному праву выразилось вполнѣ опредѣленно въ комедіяхъ «Горе отъ ума» и «Студентъ». Его всего болѣе возмущаетъ, что благосостояніе и счастье крѣпостныхъ часто приносятся въ жертву для удовлетворенія пустыхъ барскихъ прихотей. Любопытно, что и Пушкинъ собирался въ Кишиневѣ написать комедію, направленную противъ крѣпостнаго права, гдѣ молодой легкомысленный свѣтскій франтъ проигрываетъ въ карты выходившаго его крѣпостнаго дядьку.

Относительно симпатій Грибоѣдова къ старинѣ мы уже упоминали, что онъ любилъ переноситься воображеніемъ въ самыя отдаленныя времена русской исторіи: времена Великаго Новгорода, Владиміра Святого, Святослава и т. д. Болѣе же позднюю эпоху, начиная съ царствованія Алексѣя Михайловича, когда уже замѣтно стало сказываться вліяніе запада, Грибоѣдовъ не любилъ. Главное зло русской жизни онъ видѣлъ въ томъ, что благодаря иноземному вліянію образованный классъ общества «на вѣки» разъединенъ съ простымъ народомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Грибоѣдовъ, какъ и Пушкинъ, былъ убѣжденнымъ сторонникомъ всякаго истиннаго образованія и съ уваженіемъ относился къ западно-европейской литературѣ и наукѣ.

Съ 1826 года начинается третій и послѣдній періодъ жизни и литературной дѣятельности Грибоѣдова. Въ началѣ этого года онъ

былъ вызванъ съ Кавказа въ Петербургъ по дѣлу декабристовъ и просидѣлъ подъ арестомъ два мѣсяца, пока велось слѣдствіе. Самообладаніе и гордое презрѣніе къ людямъ не оставили его и тутъ. «Боятся людей, значить слишкомъ баловать ихъ», заявляетъ онъ, сидя подъ арестомъ. Зато послѣ, когда Грибоѣдовъ былъ оправданъ и освобожденъ, настроеніе его стало измѣняться. вмѣсто непокорливости и гордой силы духа явились теперь безысходная грусть и смиреніе. «Я послушался твоего совѣта, пересталъ умничать», — пишетъ онъ въ концѣ этого года Бѣгичеву, — «со всѣми выдаюсь, слушаю всякій вздоръ, и нахожу, что это очень хорошо. Какъ-нибудь дотяну до смерти»... (т. I. 222). Онъ совѣтуетъ въ утѣшеніе своему другу читать Плутарха и довольствоваться тѣмъ, что герои встрѣчались въ древности; «нынѣ», — добавляетъ онъ, — «эти характеры болѣе не повторятся» (т. I; 223 стр.). Во многихъ друзьяхъ своихъ Грибоѣдовъ разочаровался, завелъ переписку съ Булгаринымъ, котораго цѣнилъ за услужливость, но которому никогда не открывалъ своей души.

Въ первый петербургскій періодъ наибольшее вліяніе на Грибоѣдова имѣлъ Катенинъ, во второй—А. П. Ермоловъ. Теперь Грибоѣдовъ окончательно разошелся и съ тѣмъ, и съ другимъ. Въ умственномъ отношеніи онъ давно уже переросъ Катенина, міросозерцаніе котораго застыло на извѣстной ступени развитія, но воспоминанія о прежней дружбѣ долго еще послѣ этого ихъ связывало; теперь же они почувствовали себя столь чуждыми другъ другу, что совершенно прекратили переписку. О Ермоловѣ, своемъ бывшемъ кумирѣ, Грибоѣдовъ упоминаетъ въ замѣчательномъ письмѣ (отъ 9 дек. 1826 года), гдѣ онъ какъ бы прощается навсегда съ пламенными и гордыми порывами молодости... «Старіеъ нашъ», — говоритъ Грибоѣдовъ про Ермолова, — «несмотря на превосходство, данное ему отъ природы, подверженъ страстямъ». Изъ прежнихъ друзей только къ тихому, уравновѣшенному и очень доброму Бѣгичеву, который по отношенію къ нему постоянно игралъ роль парашюта при воздушномъ шарѣ¹⁾, Грибоѣдовъ сохранилъ дружбу, но она уже не могла удовлетворять его: «что проку? Мы не вмѣстѣ... И жалѣтъ надобно меня: ты не одинъ» (Бѣгичевъ былъ женатъ). Потка презрительнаго отношенія

¹⁾ У Пушкина такимъ другомъ-хранителемъ былъ Нащокинъ.

къ людямъ звучить все рѣже и слабѣе въ письмахъ Грибоѣдова; зато беспощаднѣе стало отношеніе къ самому себѣ: явилась потребность въ самооправданіи. Грибоѣдова мучить мысль, что люди, которыхъ онъ еще не пересталъ уважать, какъ, напр., кн. Ал. Одоевскій, могутъ быть о немъ почему-нибудь дурного мнѣнія. Онъ спустился съ одинокихъ и мрачныхъ вершинъ своего титанизма, подошелъ къ жизни ближе, и въ его отношенія къ людямъ прокрадывается та тихая и сдержанная задушевность, которая появляется только у человѣка, примирившагося съ неизбежностью въ жизни страданій. Въ это же время онъ ревностнѣе, чѣмъ когда-либо, занялся своей службой, стараясь принести хоть посильную помощь своей родинѣ. Въ идеалахъ своихъ онъ не измѣнился: ни высокій дипломатическій постъ, ни блестящая будущность попрежнему не имѣли въ его глазахъ никакого значенія, но самая суть жизни стала ему казаться проще и сѣрѣе. За полгода до смерти на Грибоѣдова вдругъ пахнуло тепломъ и свѣтомъ. Бракъ съ шестнадцатилѣтней княжной Чавчавадзе, подарившей ему свою первую любовь и навсегда уже оставшейся вѣрной его памяти, озарилъ жизнь «пламенному мечтателю» на самомъ ея закатѣ.

Въ творчествѣ третьяго періода мы уже не находимъ стремленій молодости... Въ стихотвореніяхъ «Освобожденный», «Востокъ», «Посланіе кн. А. И. Одоевскому», звучить мягкая, сдержанная грусть, но нѣтъ уже ни негодованія, ни дикой отваги: Основною мыслью не дошедшей до насъ «Грузинской ночи» — трагедіи въ духѣ Шекспировской «Бури», должна была быть нравственная идея, которую приблизительно можно выразить такъ: личная месть, какимъ бы зломъ она ни была вызвана, сама по себѣ есть зло, ничуть не меньшее, чѣмъ вызвавшее ее.

Обозрѣвая всю литературную дѣятельность Грибоѣдова, невольно бросается въ глаза, что всѣ замыслы и попытки его изобразить «дѣла и людей необыкновенныхъ» такъ и остались только попытками; ни одно изъ этихъ произведеній не было окончено. Здѣсь сказывается двойственность, противорѣчіе въ натурѣ Грибоѣдова. У него, какъ у Чацкого, умъ былъ вѣчно не въ ладу съ сердцемъ. Съ одной стороны, его тянуло къ чему-то необыкновенному, онъ скучалъ и томился, не находя себѣ достойнаго поприща, и въ 1827 году радовался начавшейся войнѣ, которая до нѣкоторой

степени могла его удовлетворить; «все же это лучше, чѣмъ плѣснѣть въ городахъ»,—писалъ онъ (письмо 57 въ изд. Шл.), «кончится кампанія—и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда не гожусь»; съ другой стороны, по самому свойству своего ума не къ фантазін былъ въ сущности склоненъ Грибоѣдовъ, а къ точнымъ наблюденіямъ. Недаромъ же сестра его, Марья Сергѣевна, утверждала, что изъ брата долженъ былъ бы выйти не литераторъ, а второй Гумбольдтъ. Грибоѣдовъ самъ сознавалъ за собой и эту склонность къ детальному изученію, и сравнительную скудость воображенія. «Можно наблюдать дѣйствія другихъ только лично принимая участіе въ ихъ дѣйствіяхъ»... «Всегда нужно самому практиковаться въ томъ, что хочешь изучить»,—говорилъ онъ (изд. Шл., т. I, стр. 114, переводъ); «у меня дарованіе въ родѣ мельничнаго колеса, и коли дать ему волю, такъ оно вздоръ замелетъ» (т. I, стр. 211). У Грибоѣдова были двѣ склонности, которыя никакъ не могли прійти въ равновѣсіе и постоянно мѣшали другъ другу: жажда необыкновеннаго, возвышеннаго,—и способность изображать только то, что было лично наблюдаемо или пережито. Ему не съ кого было рисовать своихъ героевъ, потому что, чѣмъ болѣе онъ жилъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что «люди мелки», «дѣла ихъ глупы», а то, чего онъ не видѣлъ и не испыталъ, не поддавалось у него творческой обработкѣ. Поэтому то единственное бессмертное произведеніе Грибоѣдова — сатира, а геройство единственнаго удавшагося ему героя — Чацкаго — заключается въ отрицаніи и осмѣяніи. Такимъ образомъ Грибоѣдовъ перешелъ въ потомство только со славой безошаднаго сатирика, а все, что въ его душѣ было склоннаго къ героическому и необыкновенному, такъ и не нашло себѣ полного и достойнаго выраженія въ его творчествѣ. Въ этомъ можно видѣть духъ времени; эпоха увлеченія необыкновенными людьми и дѣяніями быстро проходила. въ литературѣ зашевелилось смутное сознаніе, что отдѣльные выдающіеся люди уже въ силу своей исключительности не могутъ имѣть первенствующаго значенія для историческаго развитія. Въ-стѣ съ этимъ мало-по-малу пробуждался интересъ къ обыденной дѣйствительности. Въ поэзіи Пушкина преклоненіе передъ исключительными личностями не играетъ особенной роли; но и у него есть одинъ герой, который навсегда остался въ его воображеніи какъ-то полубогомъ—Петръ Великій. Изъ отдѣльныхъ произведеній Пуш-

кина, по справедливому замѣчанію одного критика, могла бы составить цѣлая «Петриада». Грибоѣдовъ же именно къ Петру Великому и не благоволилъ, считая его главнымъ виновникомъ западнаго вліянія и разрыва связи между образованнымъ классомъ русскаго общества и простымъ народомъ. Но характерно для Грибоѣдова, что онъ при этомъ старается уронить личные качества Петра, чтобы не видѣть въ немъ героя. Въ характерѣ Великаго Преобразователя онъ отмѣчаетъ не только жестокость,—на это указывалъ и Пушкинъ, жестокость еще мирилась бы съ героизмомъ, нѣтъ! Онъ обвиняетъ Петра въ мелочности, лицемѣрїи, «несказанной трусости» и тому подобныхъ недостаткахъ. Такимъ путемъ личность Петра Великаго лишалась въ глазахъ Грибоѣдова всякаго обаянія. Пушкинъ же полагалъ, что въ одномъ человѣкѣ могутъ совмѣщаться самыя рѣзкія противоположности. Онъ считалъ возможнымъ восхвалить Барклай де Толли—вовсе не героя въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ это слово Грибоѣдовъ, и признать, что вдохновенный поэтъ можетъ быть однимъ изъ самыхъ ничтожныхъ дѣтей этого міра. Онъ всегда разграничивалъ въ себѣ человѣка отъ художника и, будучи крайне раздражительнымъ и «неумчивымъ» въ жизни, въ творествѣ отличался удивительною ясностью духа и спокойствіемъ. При неистощимомъ богатствѣ фантазіи каждое жизненное впечатлѣніе, полученное имъ, могло найти въ его поэзіи только очень далекое и своеобразное отраженіе. Связь между личною жизнью и творчествомъ у него менѣе близка и замѣтна, чѣмъ у Грибоѣдова. Вотъ почему онъ и поражаетъ насъ такимъ разнообразіемъ своего творческаго генія. Но всѣ его произведенія связываются между собою одною основною чертою Пушкинскаго міросозерцанія — идеаломъ душевной гармоніи и непосредственности. Несмотря на тяжелый жизненный опытъ, наложившій свой грустный отпечатокъ на его настроеніе, навсегда сохранилось у него какое-то бережное и нѣжное отношеніе къ «насъ возвышающему обману» и чудесная способность «надъ вымысломъ слезами обливаться». Послѣ періода разочарованія, періода невѣрія въ радости жизни и обезцѣниванья ихъ, поэтъ опять вернулся къ тому, что сталъ всюду отыскивать радости земной мимолетной жизни. Въ единственной драматической спенѣ второго періода—въ «Фаустѣ» Мефистофель доказываетъ своему патрону, что тотъ не испыталъ ни единого мгновенія полного совершеннаго счастья;—въ третьемъ же

періодъ Пушкинъ находитъ своеобразное очарованіе даже во многихъ бѣдствіяхъ жизни. Въ драматическую сцену: «Пиръ во время чумы», заимствованную у англійскаго писателя Вильсона, онъ вставляетъ отъ себя пѣснь предсѣдателя, лучшее мѣсто во всемъ драматическомъ отрывкѣ:

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы!
Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъясны наслажденья...

Въ другихъ драматическихъ произведеніяхъ третьяго періода, являющихся въ художественномъ отношеніи высшими пунктами Пушкинскаго творчества, выводится рядъ лицъ, отличающихся своею необыкновенною, почти дѣтскою непосредственностью. Моцартъ, Донъ-Жуанъ, Альбертъ, Дмитрій Самозванецъ — всѣ они живутъ настоящею минутою и, какъ дѣти, придаютъ значеніе тому, что въ глазахъ другихъ, менѣе увлекающихся людей, призрачно и ничтожно. Самозванецъ, напр., послѣ пораженія подъ Сѣвскомъ сожалѣетъ не столько о проигранномъ сраженіи, сколько о потерѣ любимаго коня и навлекаетъ на себя справедливое замѣчаніе:

„Ну, вотъ о чемъ жалѣть,
Объ лошади, когда все наше войско
Побито въ прахъ!“

и далѣе: «Безпеченъ онъ, какъ глупое дитя». Геніальный музыкантъ Моцартъ простодушно забавляется у Пушкина игрою жалкаго скрипача и этимъ вызываетъ упрекъ со стороны Сальери: «Ты, Моцартъ, недостойнъ самъ себя». Здѣсь мы находимъ параллели къ Пушкинскому поэту, который по временамъ «межъ дѣтей ничтожныхъ міра, быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй»...

Тотъ же Моцартъ испытываетъ суевѣрный страхъ передъ приведеніемъ, что холодному уму Сальери кажется ребячествомъ.. Замѣчательно, что Пушкинъ почти въ каждомъ драматическомъ произведеніи противопоставляетъ непосредственной натурѣ — натуру рассу-

дочную, тяжелую и мрачную ¹⁾). Не трудно убѣдиться, что всѣ симпатіи поэта на сторонѣ натуръ перваго рода; недаромъ же имъ у него такъ везетъ въ жизни. Натуры второго рода обладаютъ черствою или даже преступною душою—и всѣ онѣ глубоко несчастны. Бѣда Сальери въ томъ, что онъ хочетъ путемъ разсудка и тяжелыми усиліями воли достигнуть того, что дается только непосредственности. Скупой рыцарь жертвуетъ благами жизни для одного только сознанія своего мнимаго могущества; царю Борису отравляетъ существованіе нечистая совѣсть; наконецъ, въ «Каменномъ гостѣ» Донъ-Карлосъ, въ противоположность Донъ-Жуану, проповѣдуетъ Лаурѣ о тщетѣ всего земного. По замѣчанію Бѣлинскаго, въ старости изъ Донъ-Карлоса выпелъ бы отличный инквизиторъ. Для этихъ натуръ самая жизнь является несчастьемъ. Для натуръ же перваго рода жизнь—беззаботное наслажденіе, но зато и оканчивается она внезапной и неожиданной катастрофой. Смерть настигаетъ ихъ врасплохъ среди наслажденій, какъ Каменный гость — Донъ-Жуана. Самъ Пушкинъ далеко не былъ такою непосредственною натурою, какъ любимые имъ герои. Въ его письмахъ насъ прежде всего поражаетъ умѣніе владѣть собою. Какъ бы ни было тяжело у него на сердцѣ, тонъ его писемъ, въ противоположность Грибоѣдову, почти всегда шутиливый. Необыкновенная деликатность по отношенію къ своимъ знакомымъ и литературнымъ собратьямъ у него всегда на первомъ планѣ; онъ скорѣе согласится погрѣшить противъ своего внутренняго убѣжденія, давая черезчуръ снисходительный отзывъ, чѣмъ позволить себѣ рѣзкою правдою бесполезно огорчить или обидѣть человѣка; онъ бралъ человѣка всего, какъ онъ есть, со всѣми его достоинствами и недостатками; — Грибоѣдову же, чтобы любить человѣка, надо было закрыть глаза на его недостатки. Пушкину менѣе, чѣмъ Грибоѣдову, приходилось обманываться въ друзьяхъ, потому что онъ самъ менѣе ихъ идеализировалъ. Въ драматическихъ произведеніяхъ Пушкина, написанныхъ подъ вліяніемъ Шекспира, замѣчается вѣра въ конечное торжество справедливости, что особенно отразилось на «Борисѣ Годуновѣ» («Какъ жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!»). «Грузинская ночь» Грибоѣдова написана тоже подъ вліяніемъ Шекспира и въ основаніе ея положена тоже нравственная идея. Такимъ

¹⁾ Ср. также Гринева съ Швабринымъ въ „Капитанской дочкѣ“.

образомъ творчества нашихъ поэтовъ, столь различныя по своему направленію, въ концѣ концовъ сошлись. Въ это же время сошлись между собою и сами поэты, взаимныя отношенія которыхъ до этихъ поръ никогда не были близки. Познакомились они впервые въ Петербургѣ въ 1817 году. Тогда они считались принадлежащими къ различнымъ литературнымъ лагерямъ, но видѣлись, вѣроятно, они не въ литературныхъ кружкахъ, а гдѣ-нибудь на вечеринкахъ кутящей молодежи, напр., у гусара Каверина, съ которымъ оба были одинаково близки. Впослѣдствіи, задумывая романъ «Русскій Пеламъ», Пушкинъ хотѣлъ изобразить тамъ и Грибоѣдова, какъ одного изъ представителей свѣтской молодежи второго десятилѣтія нашего вѣка. Въ 1818 году, съ отъѣздомъ Грибоѣдова изъ Петербурга, незадолго передъ тѣмъ начатое знакомство невольно прекратилось. Въ письмѣ Пушкина къ Вяземскому въ 1823 году, когда появились первые слухи о новой замѣчательной комедіи, звучитъ отголосокъ недоброжелательства къ Грибоѣдову. Зато, когда въ началѣ января 1825 года Пушкинъ благодаря Пущину познакомился съ «Горемъ отъ ума», онъ пришелъ въ восхищеніе отъ языка и нѣкоторыхъ сценъ комедіи. И тѣмъ не менѣе въ одномъ изъ писемъ, написанныхъ мѣсяца черезъ два, Пушкинъ не можетъ еще забыть, что Грибоѣдовъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ его друзей ¹⁾. Только въ 1828 году, когда два величайшихъ того времени русскихъ писателя встрѣтились вновь послѣ десятилѣтняго промежутка, они сблизились и полюбили другъ друга. Уѣзжая въ послѣдній разъ въ Персію, Грибоѣдовъ уже повѣряетъ Пушкину свои мрачныя предчувствія.

Мнѣніе Пушкина о комедіи Грибоѣдова сохранилось въ письмѣ къ Бестужеву. «Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи, — говоритъ онъ тамъ, — недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину прелестна — и какъ натуральна! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія; но Грибоѣдовъ, видно, не захотѣлъ — его воля». Здѣсь сказывается различіе въ приемахъ у нашихъ писателей: Пушкинъ на первое мѣсто ставитъ занимательность сюжета и цѣльность впечатлѣнія. Грибоѣдовъ же, увлекаясь этической стороною своего произведенія, пренебрегаетъ художественными требо-

¹⁾ Письмо 15 марта 25 года.

ваніями. Къ сожалѣнію, мы не можемъ въ точности опредѣлить, какого мнѣнія былъ Грибоѣдовъ о Пушкинѣ. Изъ писемъ его мы узнаемъ только, что онъ крайне интересовался «Борисомъ Годуновымъ» и не разъ просилъ своихъ друзей прислать ему эту драму. Такой интересъ былъ вполне естествененъ у Грибоѣдова; особенно—при его любви къ русской старинѣ. Сохранились и два характерныхъ его замѣчанія о «Борисѣ Годуновѣ». «Въ первой сценѣ «Бориса» (т. е. въ сценѣ «Келья въ Чудовомъ монастырѣ», напечатанной раньше другихъ)—«мнѣ нравится, — шплетъ онъ, — Пимень-старецъ, а юноша Григорій говоритъ, какъ самъ авторъ, вовсе не языкомъ тѣхъ временъ». Другое замѣчаніе сохранилось въ письмѣ Пушкина къ Н. Н. Раевскому 30 янв. 1829 года: «Грибоѣдовъ критиковалъ личность Іова—патріархъ, конечно, былъ человекъ весьма умный, а я по разсѣянности сдѣлалъ его простякомъ».

Вліянія Пушкина на Грибоѣдова не замѣтно; вліяніе же Грибоѣдова на Пушкина отразилось въ VII главѣ «Евгенія Онѣгина». И у Пушкина, и у Грибоѣдова мы встрѣчаемъ относительно московской жизни нѣкоторыя одинаковыя указанія: отсутствіе въ ней рѣзкихъ переměнъ, силу родственныхъ отношеній, обиліе невѣсть, и т. д. У Пушкина есть даже такія мѣста и отдѣльные стихи, которымъ можно найти прямое соотвѣтствіе у Грибоѣдова. Въ первомъ дѣйствіи «Горя отъ ума» Чацкій, удивляясь переměнѣ, происшедшей съ Софьей за время его отсутствія, и приводя ее этимъ въ смущеніе, оправдывается такъ:

„Помплуйте! не вамъ — чему же удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?“ и т. д.

затѣмъ онъ перебираетъ своихъ московскихъ знакомыхъ и спрашиваетъ, всѣ ли они остались такими, какими были прежде

„Ну, что вамъ, батюшка? Все Англійскаго глоба
Старинный, вѣрный членъ до гроба?“ и т. д.

въ XLV строфѣ седьмой главы «Евгенія Онѣгина» мы встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе о московскихъ родственникахъ Лариныхъ:

„Но въ вихъ не видно перемяны—
Все въ нихъ на старый образецъ!
У тетущки княжны Елены“ и т. д.

Между прочимъ про мужа какой-то Целагеи Николаевны говорится,

что «онъ—все клуба члень исправный». Въ XLII строфѣ одна изъ тетушекъ, собираясь показать Таню всей роднѣ, замѣчаетъ:

Жаль, развѣзжать нѣтъ мочи мнѣ;
Едва-едва таскаю ноги“

невольнo припоминаются изъ «Горя отъ ума» слова Графини - бабушки, сопровождающей всюду по баламъ свою внучку:

„Мнѣ, право, не подь силу!
Когда нибудь я съ бала, да въ могилу“.

Подобно тому какъ Хлестова припоминаетъ, что она когда - то дирала Чацкаго за уши, московскія родственницы Татьяны восклицаютъ:

Какъ Тани выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?
— А я такъ на руки брала!
— А я такъ за уши драла! (XLIV строфа).

Необходимо однако замѣтить, что если въ описаніяхъ московской жизни и есть значительное сходство у Пушкина съ Грибоѣдовымъ, то самый тонъ описанія у нихъ совершенно различный. У Пушкина преобладаетъ безобидный юморъ... Онъ описываетъ ту же пустоту, застою и мелочность общества, какъ и Грибоѣдовъ, но у него нѣтъ ѣдкой, негодующей насмѣшки. Со своею удивительною способностью отыскивать повсюду красоту Пушкинъ могъ съ любовью изобразить безхитростную жизнь семейства капитана Миронова, такъ какъ любилъ людей съ чистою совѣстью; онъ сумѣлъ найти красоту душевную и въ свѣтской дамѣ и въ крѣпостномъ рабѣ: въ Татьянѣ и въ Савельичѣ; Пушкинъ могъ, накопецъ, заинтересоваться психологіей сильной преступной страсти, напр. скуности, зависти и т. д.;— по мелкая порочность и пошлость не возбуждали въ немъ интереса. Онѣ почти совсѣмъ не подвергались его творческой обработкѣ, хотя и сильно возмущали въ жизни. Въ шестой главѣ «Евгенія Онѣгина» Пушкинъ упоминаетъ о мертвящемъ вліяніи суеты:

„Среди бездушныхъ гордцовъ
Среди блстательныхъ глупцовъ,
Среди лукавыхъ, малодушныхъ.
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холоповъ добровольныхъ“ и т. д.

Какой богатый матерьялъ нашель бы здѣсь для себя Грибоѣдовъ! Онъ могъ бы остановиться поподробнѣе на каждомъ изъ указанныхъ типовъ и разработать ихъ; Пушкинъ же только наскоро ихъ перечисляетъ, какъ бы спѣша покончить съ неприятными ему лицами и перейти къ болѣе свѣтлымъ явленіямъ.

Легко можно не понять и даже осудить кое-за-что нашихъ поэтовъ, если не принять во вниманіе, что они были дѣтьми своего времени. Пушкинъ и Грибоѣдовъ принадлежали къ тому поколѣнію, которое поражаетъ насъ своею цѣльностью, непосредственностью, удалью, разгуломъ и молодечествомъ. Крайности и уродливыя проявленія этихъ свойствъ мы находимъ въ повѣстяхъ Бестужева—Марлинскаго, герои котораго съ «неистовыми» страстями, съ огненною кровью въ жилахъ» были въ значительной мѣрѣ отраженіемъ личности ихъ автора. Достаточная трезвость разума предохранила Пушкина и Грибоѣдова отъ крайностей романтизма, но силою и пылкостью чувства они въ значительной мѣрѣ обязаны господству въ первую треть девятнадцатаго вѣка этого направленія, которое оказала самое благодѣтельное вліяніе на развитіе русскаго искусства въ различныхъ его областяхъ, давши въ живописи Брюллова, въ музыкѣ—Глинку. Однимъ изъ наиболѣе типичныхъ романтиковъ въ литературѣ былъ Грибоѣдовъ. Глубокая неудовлетворенность окружающею жизнью приводила автора «Горя отъ ума» не къ вялому пессимизму, а къ негодованію. «Сонливый меланхоликъ» было въ его глазахъ едва ли не самымъ браннымъ и обиднымъ эпитетомъ.. Осуждая людей не изъ-за личныхъ мелкихъ счетовъ, а съ точки зрѣнія того идеала, который сложился въ его душѣ, Грибоѣдовъ въ обыденныхъ отношеніяхъ проявлялъ много добродушія и производилъ обаятельное впечатлѣніе даже на тѣхъ, кого осуждалъ въ глаза. Вся жизнь Грибоѣдова была однимъ сплошнымъ горемъ отъ благо-родства сердца и отъ ума. Самая смерть его прекрасно характеризуетъ его личность. Не теряя присутствія духа, онъ вышелъ съ обнаженнй саблей къ разъяренной черни и мгновенно былъ изрубленъ до неузнаваемости толпою персіанъ, которыхъ онъ отъ души ненавидѣлъ. Будучи современниками и испытывая на себѣ во многихъ отношеніяхъ одинаковыя вліянія, Пушкинъ и Грибоѣдовъ являются по умственному складу и характеру творчества совершенно различными проявленіями человѣческаго духа, совершенно различными,

но одинаково важными и интересными. Комедія Грибоѣдова проникнута тѣмъ недовольствомъ современнымъ положеніемъ вещей, которое заставляеть людей искать путей къ лучшему будущему; Пушкинъ же учитъ дорожить свѣтлыми мимолетными радостями жизни:

Все мгновенно, все пройдетъ...
Что пройдетъ, то будетъ мило,

и если настоящее наше пусто и мрачно, учить надѣяться на будущее и радоваться счастью подрастающихъ поколѣній. «Хандра хуже холеры» — писалъ онъ однажды Плетневу, — «одна убиваетъ тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ; погоди, умретъ и Жуковский, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомыхъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ расти, вырастетъ невѣстой. Мы будемъ старше хрычи, жены наши—старыя хрычевки; а дѣтки будутъ славные, молодые, веселые ребята; мальчики будутъ повѣсничать, а дѣвчонки сентиментальничать, а намъ то и любо».

Самая смерть у Пушкина ничтожна и бессильна передъ торжествомъ міровой жизни:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Ив. Розановъ.

ПУШКИНСКІЙ СБОРНИКЪ.

Статьи студентовъ Императорскаго Московскаго
Университета

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Проф. А. И. Кирпичникова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульварь.
1900.